

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ О СМЫСЛЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

ЛИ СИН, ВАН ЧЭНСИН

Центр евразийских исследований Пекинского педагогического университета, КНР

Резюме

В первой половине второго десятилетия XXI века международные отношения характеризуются усилением интеграционных процессов как в периферийных регионах Евразии (Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство), так и в ее центральной части (евразийская интеграция России, Белоруссии и Казахстана). Китай — океаническая и континентальная держава, которая всегда уделяла пристальное внимание и восточному (морскому или азиатско-тихоокеанскому), и западному (континентальному или евразийскому) направлению во внешнеполитической стратегии. Цель данной статьи — выявить новые вызовы и особенности проведения внешнеполитической стратегии Китая на западном, континентальном, евразийском направлении в соотнесении с евразийской интеграцией России, Белоруссии и Казахстана. После возвращения В.В.Путина на пост Президента Российской Федерации прогресс евразийской интеграции и создание Евразийского союза рассматриваются в России как одно из главных стратегических направлений внешнеполитической повестки дня и основа для реализации российской «мечты о статусе евразийской сверхдержавы». Россия, опираясь на новое объединение, прежде всего стремится укрепить свои позиции в Центральной Евразии. Согласно намеченному плану в 2015 г. будет образован Евразийский экономический союз (ЕЭС). Китай, находящийся к востоку от Центральной Евразии, всё время поддерживал тесные политические, экономические и культурные связи со странами региона и выступал в качестве «азиатско-европейской» державы. В понимании китайских исследователей текущие евразийские интеграционные процессы имеют огромное значение для западной части Китая. Успешное построение отношений Китая с ЕЭС поможет обеспечить такое состояние внешнеполитической среды, которое будет способствовать углублению реформ и увеличению открытости КНР в ближайшие годы. В связи с этим вопросы: «каким образом китайское научное сообщество воспринимает феномен Евразийского союза?», «какое влияние Евразийский союз и евразийская интеграция оказывают на российско-китайские отношения и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)?», «как Китай будет относиться к Евразийскому союзу?» — несомненно, актуальны для китайского научного сообщества.

Авторы полагают, что для эффективного развития отношений с ЕЭС, а в перспективе — и с Евразийским союзом Китай должен настаивать на следующих основополагающих принципах внешней политики: (1) Тезис «Китай — страна, близкая к Центральной Азии» является ядром новой внешнеполитической идентичности страны на западном направлении; (2) российско-китайские отношения — фундамент для развития отношений Китая с Евразийским союзом; (3) Шанхайская организация сотрудничества и Евразийский союз служат двумя опорами для поддержания развития и безопасности Китая в регионе, находящемся в непосредственной близости от западной части страны.

Ключевые слова:

Россия; Евразийский союз; региональная интеграция; постсоветское пространство; внешняя политика Китая; Центральная Азия; российско-китайские отношения.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда г. Пекина по развитию общественных наук [北京市 2013 年社科基金规划项目, №13KDB039], Фонда фундаментальных исследований в центральных университетах [中央高校基本科研业务费专项资金], Научного проекта Центра по изучению России Пекинского педагогического университета [北京师范大学俄罗斯研究中心项目] и Китайского совета по статистике [CSC].

В последние годы одними из самых обсуждаемых вопросов в контексте России: как в политической среде, так и в научном сообществе — являются евразийская интеграция и проект по созданию Евразийского союза, выдвинутый В.В. Путиным ещё в 2011 году. Сторонниками евразийской интеграции выступают президенты Казахстана и Белоруссии. Лидеры трёх стран официально опубликовали совместную «Декларацию о евразийской экономической интеграции» и объявили о начале новой фазы сближения, которая связана с формированием Единого экономического пространства (ЕЭП).

После возвращения В.В. Путина на пост Президента России прогресс евразийской интеграции и создание Евразийского союза рассматриваются им в качестве одного из главных стратегических направлений во внешнеполитической повестке дня [Фэн Шаолэй 2011] и основы для реализации давней «мечты» Российской Федерации о статусе «евразийской сверхдержавы» [Ли Син 2012]. В последние годы проведение и углубление евразийской интеграции, очевидно, стало абсолютно приоритетным направлением внешней политики России, Казахстана и Белоруссии. В 2013–2014 годах президенты трёх стран регулярно проводили встречи на высшем уровне в Астане, Минске и Москве в рамках Высшего евразийского экономического совета. Проведённые заседания и состоявшиеся обсуждения лидеров трёх стран создали стимулы для развития интеграции и сформировали предпосылки для образования Евразийского экономического союза (ЕЭС) в 2015 году.

Постсоветский регион, расположенный к западу от Китая, имеет исключительное значение для китайской внешнеполитической стратегии. Успешность регулирования отношений Китая с такими новыми объединениями, как ЕЭС, безусловно, будет зависеть от благоприятной внешнеполитической среды в регионе, способствующей углублению реформ и увеличению открытости Китая в ближайшие годы. В связи с этим такие вопросы, как «каким образом китайское научное сообщество воспринимает фе-

номен Евразийского союза?», «какое влияние Евразийский союз и евразийская интеграция оказывают на российско-китайские отношения и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)?», «как Китай будет относиться к Евразийскому союзу?», приобретают высокую степень актуальности для азиатской державы.

1

Изучая проект В.В. Путина по созданию Евразийского союза и протекающие на практике интеграционные процессы, авторы не могут игнорировать современный мирополитический контекст. *Во-первых*, последствия глобального финансового кризиса усиливают степень неопределённости в европейской и мировой экономике. Существующее положение дел стимулирует ускорение интеграционных процессов между Россией, Казахстаном и Белоруссией, то есть государствами, которые стремятся обеспечить свою национальную экономическую безопасность, защитить себя от глобальных вызовов и найти новые движущие силы для осуществления всесторонней и многопрофильной модернизации.

Во-вторых, на сегодняшний день Европейский Союз уже достиг высокого уровня развития, а Восточная Евразия (в частности, Китай) продолжает развиваться быстрыми темпами, наращивая потенциал как жесткой, так и мягкой силы. На этом фоне Центральная Евразия (Россия, Центральная Азия, Закавказье, Восточная Европа и пр.) [Ли Син 2013] оказывается «слабым звеном» из-за региональной нестабильности и социально-экономических проблем. Россия географически расположена между развитой Западной Евразией и динамичной Восточной Евразией и находится под прямым или косвенным давлением со стороны государств южной части континента. В этих условиях ей приходится брать на себя ответственность за объединение государств постсоветского пространства, чтобы «выстроить прочный мост», соединяющий Европу и Азию.

В-третьих, Россия сегодня располагает редкими стратегическими возможностями

для развития. Анализируя внешнеполитическую обстановку в ближайшем окружении Российской Федерации, можно сказать, что «пятидневная война» с Грузией в 2008 г. и представленный проект «химическое оружие в обмен на мир» для решения сирийского кризиса в 2013 г. стали поворотными моментами для утверждения лидерских позиций России на постсоветском пространстве и в Евразии. С экономической точки зрения по всем показателям Россия является одной из новых растущих экономик мира, которая стала активизировать свою дипломатическую деятельность во внешнеэкономической сфере. Более того, сегодняшняя евразийская интеграция под эгидой России доказала свою актуальность, поскольку соответствует стратегическому направлению развития как Казахстана, так и Белоруссии.

Американский исследователь Арли Бёрк считает, что «...без целесообразности любая стратегия не считается полноценной, а лишь является тактическим поведением» [Abshire, Allen 1963]. Кроме того, стратегия любой страны должна иметь всеобщее и комплексное значение. По мнению китайского учёного Чжоу Пици, «... в стратегической сфере если мы отдельно, а не комплексно проанализируем проблемы, то это лишь является тактической идеей, а не стратегической мыслью...» [Чжоу Пици 2009: 19]. Говоря словами Мао Цзэдуна, «... овладение знаниями всеобщего значения позволяет нам более разумно использовать ресурсы частного значения, потому что событие частного значения всегда подчиняется вещам, имеющим всеобщее и комплексное значение» [Мао Цзэдун 1991: 175]. В этой связи, согласно взглядам китайских экспертов, проект В.В. Путина по созданию Евразийского союза и увеличение темпов евразийской интеграции могут быть отнесены к комплексной национальной стратегии России в обозримой перспективе.

С точки зрения ведущего научного сотрудника Китайской академии современных международных отношений Ван Лицзю (Wang Li Jiu), российская стратегия форми-

рования Евразийского союза характеризуется следующими чертами:

- это гуманитарный союз, ориентированный на воссоздание исторических, социокультурных связей России с бывшими советскими республиками;

- это союз, обеспечивающий традиционный и нетрадиционный виды безопасности в регионе Евразии;

- это весомый внешнеполитический инструмент России, который в перспективе позволит ей повысить свой статус на мировой арене и защитить ее от вызовов со стороны других держав и блоков стран [Ван Лицзю 2012].

Стратегические интересы России в рамках будущего Евразийского союза, по мнению научного сотрудника Исследовательского центра по развитию при Госсовете КНР Лу Байчуня (Lu Bai Chun), заключаются в следующем:

- осуществление «реинтеграции» в рамках СНГ и расширение традиционной сферы влияния;

- опора на Евразийский союз для усиления своей стратегической роли в АТР;

- восстановление статуса сверхдержавы и стремление быть одним из силовых центров в многополярном мире [Лу Байчунь, Сон Юлиянь 2013: 62-64].

Директор Центра по изучению России при Восточно-китайском педагогическом университете Фэн Шаолэй (Feng Shao Lei) подчеркивает, что в настоящее время проект В.В. Путина по созданию Евразийского союза ограничивается сферой экономического сотрудничества, в основе которого лежат принципы рыночной экономики и демократические ценности. С большой долей уверенности можно сказать, что в долгосрочной перспективе отношения Евразийского союза с ЕС и североамериканским регионом будут сочетать в себе элементы как сотрудничества, так и конкуренции [Фэн Шаолэй 2011].

Из представленных выше мнений китайских экспертов логично следует, что Евразийский союз ставит перед собой цель стать универсальным межгосударственным объединением, охватывающим такие клю-

чевые сферы взаимодействия, как политика, безопасность, экономика и культура.

В китайском научном сообществе преувелирует точка зрения о том, что Евразийский союз и интеграцию на постсоветском пространстве необходимо рассматривать в контексте общей национальной стратегии России. С нашей точки зрения, во втором десятилетии XXI века Россия и США одновременно приступили к реализации своих стратегических проектов на евразийском континенте. Россия, опираясь на Евразийский союз, стремится укрепить свои позиции в Центральной Евразии. США, реализуя экономический проект «Транстихоокеанского партнёрства» (ТТП) и военно-политическую программу по «возвращению в Азию», сосредоточиваются на периферийных регионах евразийского континента, чтобы изменить расстановку сил в АТР. В отличие от евразийской стратегии США, проект «Евразийского союза», на наш взгляд, не несёт в себе «агрессивной» составляющей.

2

Начиная с территориального расширения на евразийском континенте в имперские времена, постепенно пройдя через период формирования абсолютного господства Советского Союза над Центральной Евразией и завершая сегодняшней Российской Федерацией, продвигающей проект евразийских интеграционных процессов, с большой долей уверенности можно сказать, что Россия, характеризующаяся как евразийская держава (Ou Ya Guo Jia), на протяжении длительного периода времени выступала определяющей силой в историческом развитии Центральной Евразии. Исключая лишь периоды Династии Тан (в VII – X веках) и государства Западного Ляо (в XII веке), которые создали в Центральной Азии административную систему и вассальные отношения с соседними странами [Ван Чжилай 2010: 60–79], Китай, расположенный к востоку от Центральной Евразии, так же как и Россия, всё время поддерживал тесные политические, экономические и культурные

связи с Центральной Азией и действовал в качестве «азиатско-европейской» державы (Ya Ou Guo Jia).

Следует отметить, что Евразийский союз, к которому стремятся сегодня Россия, Казахстан и Белоруссия в рамках евразийских интеграционных процессов, представляет собой растущий новый центр силы в Центральной Евразии и, безусловно, будет оказывать серьёзное влияние на геополитическую и геоэкономическую обстановку на западном внешнеполитическом направлении Китая. По сути, Китай может стать «соучастником» евразийской интеграции, опираясь на ряд принципов.

Прежде всего, формирование региональной внешнеполитической идентичности страны на западном направлении должно происходить на основе принципа «Китай – страна, близкая к Центральной Азии». По своему геостратегическому положению Китай принадлежит как к океаническим, так и к континентальным державам, то есть к смешанному типу государств, которые представляют собой группу стран, обладающих пограничной линией и на суше, и на море [Шао Юнлин, Ши Иньхун 2000]. Данный тип государства постоянно испытывает угрозы национальной безопасности и со стороны суши, и со стороны моря [Шао Юнлин, Ши Иньхун 2000]. С точки зрения структуры мировой политики и экономики, роль Китая оказывается сложной и многоликой, иногда даже противоречивой. «Китай дотянулся до «первого мира» находясь в «третьем мире», при этом находится ещё и в середине – во «втором мире». Китай, скорее, похож как на «третий мир в первом мире», так и на «первый мир в третьем мире» [Li Xing 2009].

Можно предположить, что через 30 лет и более, благодаря политике реформ и открытости, связь Китая с мировым сообществом станет намного теснее, особенно с такими соседними регионами, как АТР и Центральная Азия. Китай уже имеет высокую экономическую взаимозависимость с ними. В этой связи естественно, что пятое поколение руководства Китая, избранное на XVIII Всекитайском съезде КПК, все-

резь принимает во внимание дипломатические отношения с соседними регионами и странами. Генеральный секретарь Си Цзиньпин на Заседании по дипломатической работе с регионами, соседствующими с Китаем (25-ого октября 2013 года), подчеркнул, что «как с географической точки зрения, так и с точки зрения взаимных отношений, отношения с соседними регионами для Китая имеют крайне важное значение. Во время размышления о проблемах в соседних регионах и проведения дипломатической деятельности, направленной на соседние регионы, мы должны настаивать на принципах всеобщности и диверсификации. Для того чтобы реализовать цель «Два столетия» (к столетнему юбилею КПК полностью построить общество с высоким средним уровнем достатка, к столетию КНР превратить Китай в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство) и великое возрождение китайской нации, дипломатические отношения Китая с соседними регионами должны быть нацелены на углублённое развитие всесторонних, взаимовыгодных и добрососедских отношений, разумное использование стратегического периода возможностей для развития и полного обеспечения национального суверенитета, безопасности и интересов развития. Одним словом, отношения Китая с соседними регионами должны быть более крепкими и тесными в сферах политики, экономики, безопасности и гуманитарных связей»².

Из этого тезиса вытекает предположение о том, что на основании глобальной макрополитической идентичности, которая представляет собой базовую идеологию в процессе разработки национальной стратегии развития, Китай также нуждается в более четкой региональной микрополитической идентичности, включающей координацию дипломатической деятельности страны с соседними регионами. Иными

словами, цель формирования и осуществления региональной внешнеполитической стратегии с учётом специфики конкретного соседнего региона заключается в том, чтобы дипломатическая деятельность Китая в большей степени соответствовала историческому прошлому, сегодняшнему положению вещей и тенденциям будущего развития того или иного региона. Таким образом, в рассматриваемом регионе мы можем характеризовать Китай как «страну, близкую к Центральной Азии».

Под этой дефиницией понимается та или иная страна, которая не относится к данному региону, однако в то же время не является внешним игроком, расположенным за пределами Центральной Азии. Оно подчеркивает тесные исторические, культурные, политические и экономические связи с Центральной Азией, а также вхождение Китая вместе со странами региона в общее сообщество развития и реализации коренных интересов. Восприятие Китая как «страны, близкой к Центральной Азии», в основном базируется на следующих постулатах.

(1) Близкое географическое положение.

Западная часть Китая географически глубоко вдаётся в Центральную Азию и соседствует с Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Афганистаном. Кроме того, географический центр Азии находится в китайском Синьцзяне.

(2) Тесные историко-культурные связи.

По завершении во II веке до н.э. официальных визитов дипломата Древнего Китая Чжан Цяня (Zhang Qian) на Запад, Китай установил с Центральной Азией постоянные многосторонние отношения, которые, безусловно, являлись неотъемлемой частью межгосударственных отношений в Евразии. В качестве примеров мы можем привести тройственные отношения «Династия Тан – Тибетское Царство – Арабская Империя» в VII – VIII веках [Ван Сяофу 1992], отношения между государством Западного Ляо и государством

² Выступление Си Цзиньпина на Заседании по дипломатической работе с регионами, соседствующими с Китаем: < <http://politics.people.com.cn/n/2013/1025/c1024-23332318.html> > (дата обращения: 27.10.2013)

Хорезмшахов в XII веке и отношения между Династией Цин и Российской империей вокруг китайского Синьцзяна в конце XIX века. Помимо этого, исламская культура играла и продолжает играть связующую роль в межкультурном общении между Китаем и странами Центральной Азии. Общая численность мусульманского населения в Китае составляет более 20 миллионов человек³. В основном они проживают в западной части страны, например в Синьцзян-Уйгурском и Нинся-Хуэйском автономных районах, в провинциях Ганьсуй и Цинхай.

(3) Западное направление — один из геополитических приоритетов Китая в обозримой перспективе. В 2010 г. комиссар Общественного университета Народно-освободительной армии Китая, генерал-полковник Лю Ячжоу (Liu Ya Zhou) впервые выдвинул идею о реализации стратегии на западном направлении. По его мнению, «... Западная часть Китая — это великое пространство. Запад — это не только наша стратегическая ориентация, наша надежда, но и судьба нашего поколения. Благоприятное местоположение (ближе к центру Евразии) придаёт нам сильнейшую движущую силу развития. Нам необходимо осознать Запад как направление развития, а не как пограничный район...» [Лю Ячжоу 2010]. На основе новых геополитических и геоэкономических условий была сформулирована идея о «наступлении на Запад», выдвинутая деканом Института международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы (Wang Ji Si) в 2012 году. Он говорит о том, что в ситуации, когда одним из ключевых пунктов внешней политики США становится «продвижение на Восток», ЕС, Индия и Россия также начинают уделять пристальное внимание восточному направлению, в особенности Китаю, занимающему в Азиатско-Тихоокеанском регионе центральное положение, следует не ограничивать свои интересы морскими границами, традиционными

соперниками и партнерами, а брать инициативу в свои руки и разработать план «наступления на Запад», чтобы перебалансировать стратегические отношения с рядом великих держав [Ван Цзисы 2012].

Аргументация в пользу разработки внешнеполитической стратегии, направленной именно на Запад, высказанная двумя современными китайскими стратегами, заключается в том, что прежде всего благодаря богатым нефтегазовым запасам, Центральная Азия становится для Китая одним из ближайших источников энергоресурсов. Тем более что углеводородные поставки из Центральной Азии могут непосредственно попасть на китайский рынок без посредников. Кроме того, борьба с «тройственным злом» (терроризм, сепаратизм, экстремизм) в Центральной Азии по-прежнему остаётся шепетильным вопросом. Он оказывает большое влияние на обеспечение национальной безопасности Китая. Особенно важно выявить ещё один фактор: в качестве нового пространства борьбы за влияние между великими державами Центральная Азия для Китая является еще и новой площадкой регионального управления и урегулирования отношений с малыми и крупными странами.

(4) Западный регион — важное направление для осуществления «политики открытости Китая» на новой исторической стадии. Для нового поколения руководства Китая продолжение политики открытости является одной из главенствующих задач. Так, одновременно с расширением открытости в приморских районах (например, с созданием Зоны свободной торговли в Шанхае), повышение уровня открытости к пограничным регионам и западу входит в архитектуру приоритетных направлений работы правительства. Как отметил премьер-министр Ли Кэцзян, «...развитие и открытие западной части страны создает для Китая большие возможности для маневрирования. Настаивая на углублении реформ и открытости в приморских районах,

³ Новая статистика: первые десять провинций, городов и автономных районов для мусульманского населения: <<http://www.muslim.net.cn/bbs/article-9745-1.html>> [дата обращения: 01.11.2013]

Китаю необходимо акцентироваться на развитии в западной части страны, поддерживать открытость в пограничных районах и на западном направлении в целом...»⁴. В связи с этим, Китай в дальнейшем нацелен как на углубление благотворного сотрудничества, чтобы ускорить процесс создания зоны свободной торговли с соседними странами и регионами, так и на наращивание товарооборота и инвестиций, чтобы сформировать новую структуру региональной экономической интеграции⁵.

(5) Интеграционные процессы на Западе от Китая благотворно влияют на формирование новой региональной внешнеполитической идентичности страны согласно формуле «страна, близкая к Центральной Азии». Очевидно, что евразийские интеграционные процессы в современных условиях происходят при содействии России, Белоруссии и Казахстана. На основе ТС и ЕЭП в 2015 г. будет образован ЕЭС. Кроме того, ТС предстоит пройти через первый в своем роде и за всю историю своего существования этап расширения. В списке стран-кандидатов на вступление значатся Армения и Киргизия.

С полной уверенностью можно сказать, что Россия в сегодняшней евразийской интеграции является связующим звеном на всех направлениях. При этом современную евразийскую интеграцию можно подразделять на три субрегиональных интеграционных процесса, то есть своего рода «субрегиональные интеграции» в рамках России — Восточной Европы (Белоруссия), России — Южного Кавказа (Армения), России — Центральной Азии (Казахстан, Киргизия). Исходя из вышесказанного можно выдвинуть идею о том, что российско-центральноазиатская субрегиональная интеграция

имеет для западного региона КНР большое значение. Данное положение актуально сейчас, когда она по сути своей оказывает на Китай двойное влияние. Сначала хотелось бы обратить внимание на позитивные эффекты со стороны ТС и ЕЭП.

Таможенный союз и Единое экономическое пространство создают для развития китайского западного региона широкий интегрированный рынок. В этих условиях китайские товары и капитал могут непосредственно попасть на евразийский рынок только по сухопутным маршрутам. Новые статистические данные указывают на то, что со времени образования ТС товарооборот между Китаем и странами-участниками ТС год от года повышается. В 2012 г. валовой товарооборот между двумя сторонами составил 114,6 млрд долл. США. Одновременно Китай стал крупнейшим торговым партнером ТС⁶.

В Восточной Азии Китаю вместе с АСЕАН в рамках стратегического партнерства удавалось бурно развивать экономические отношения в течение последних 10 лет, которые получили название «Золотое десятилетие». В Центральной Азии Китай также рассчитывает активизировать внешнеполитическую деятельность и углублять двусторонние отношения с ТС, чтобы построить в Центральной Евразии пояс процветания, стабильности и «гармонии». К негативной стороне в основном относятся торговые барьеры, которые создаются любой региональной интеграцией по отношению к внешним игрокам. Например, в 2012 г. Евразийская экономическая комиссия решила ввести антидемпинговую пошлину на металлопрокат из Китая⁷. Иными словами, по мере развития евразийской интеграции, на Западе от

⁴ Ли Кэцян: поддержание развития и открытости во внутренней части Китая — самый большой маневр для будущего: <<http://politics.people.com.cn/n/2013/0904/c1024-22808974.html>> [дата обращения: 15.09.2013]; Выступление Ли Кэцяна на Экономическом форуме «Китай — Евразия»: <http://www.gov.cn/jdhd/2011-09/03/content_1939536.htm> [дата обращения: 09.09.2013].

⁵ Выступление Си Цзиньпина на Заседании по дипломатической работе с регионами, соседствующими с Китаем: <<http://politics.people.com.cn/n/2013/1025/c1024-23332318.html>> [дата обращения: 27.10.2013].

⁶ Китай стал крупнейшим торговым партнером ТС: <<http://kz.mofcom.gov.cn/article/ddgk/zwfengsu/201303/20130300057782.shtml>> [дата обращения: 13.11.2013].

Китай может появиться совершенно новая, растущая и относительно закрытая экономика.

На этом фоне, настаивая на региональной внешнеполитической идентичности по формуле «страны, близкой к Центральной Азии», Китаю необходимо своевременно пересмотреть внешнюю политику на западном направлении и налаживать регулярный диалог со странами-участницами ТС, чтобы выстроить платформу для сотрудничества с ЕЭС в будущем.

Суммируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что предлагаемая региональная внешнеполитическая идентичность Китая как «страны, близкой к Центральной Азии» сводится к конкретной микро-внешнеполитической идентичности на региональном уровне и является результатом комплексного размышления о таких факторах, как географическое положение, историко-культурные связи, макро-внешнеполитическая стратегия на глобальном уровне, направления развития внутри страны и актуальные проблемы в Центральной Азии. Последовательно в качестве «страны, близкой к Центральной Азии», Китай в отношениях со странами Центральной Азии должен придерживаться следующих трёх принципов.

Принцип 1: основываясь на принципах добрососедства и взаимной выгоды, Китаю приходится играть более конструктивную роль в региональном управлении и смело брать на себя соответствующую ответственность за ключевые проблемы, касающиеся регионального экономического развития. С одной стороны, используя собственное экономическое преимущество, Китаю нужно продвигаться в направлении осуществления проекта по созданию экономического пояса по Великому шелковому пути, чтобы внести вклад в социально-экономическое развитие стран в регионе. С другой стороны, заимствуя опыт развития отношений с АСЕАН в формате «10+1», Китай вполне вместе с ТС может создать

сотрудничество по формату «3+1» в целях поддержания регулярного диалога между двумя экономиками и одновременно стимулировать экономическую интеграцию в рамках ШОС с целью создания зоны свободной торговли.

Принцип 2: на фоне повышения степени взаимозависимости между Китаем и странами Центральной Азии в экономической сфере этот регион по-прежнему стоит перед угрозами со стороны «трёх зол» (терроризм, сепаратизм, экстремизм), дестабилизации в Афганистане и др. В связи с этим Китай считает целесообразным применять при необходимости достаточно гибкий подход к урегулированию региональных проблем, то есть, если решение проблемы нуждается в двустороннем подходе, Китай ее сможет решить в рамках двусторонних отношений; если нуждается в многостороннем подходе, то данный вопрос решается в рамках многосторонней платформы.

Принцип 3: наряду с поддержкой развития ШОС и созданием диалоговой платформы с будущим ЕЭС, Китай также нуждается в углублении стратегического партнёрства с Казахстаном и эффективной реализации стратегического партнёрства с Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном и Туркменией. Одним словом, создание высокостабильной, многоуровневой и сетевой дипломатической структуры согласно модели «двусторонние отношения в рамках многосторонних, многосторонние отношения на основе двусторонних» заключается в формировании внешнеполитической стратегии Китая, обращенной к западным соседям.

3

Второй принцип, обеспечивающий «соучастие» Китая в евразийской интеграции, связан с тем, что российско-китайские отношения — фундамент для развития отношений КНР с Евразийским союзом. Подобное положение обусловлено рядом причин. Во-

⁷ Ваш металл не катит: <<http://www.rg.ru/2012/05/24/metall-site.html>> (дата обращения: 01.12.2013).

первых, это сущность стратегического взаимодействия и партнёрства между Россией и Китаем. Только в течение 2013 г. лидеры двух стран 5 раз встретились в рамках официального формата различных мероприятий высшего уровня⁸. В феврале 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил Зимнюю Олимпиаду в Сочи по приглашению Президента Российской Федерации В.В. Путина. Такая высокая интенсивность встреч и обмена мнениями на высшем уровне, которая редко проявляется в отношениях держав в современной международной политике, доказывает тесный характер и приоритетность двусторонних отношений как для России, так и для Китая. Подписанные двумя главами государств в Москве в марте 2013 г. «Совместное заявление РФ и КНР о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» и «План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2013–2016 годы)» открыли новую страницу в истории развития двусторонних отношений.

Поддерживая особый путь развития, оба государства будут содействовать стратегическому взаимодействию на глобальном и региональном уровнях, расширять региональное и пограничное сотрудничество в рамках проектов «Северо-Восток Китая — Дальний Восток России» и «Янцзы — Волга», диверсифицировать содержание двустороннего товарооборота и способствовать продвижению и развитию гуманитарных и социокультурных связей. При этом российско-китайское сотрудничество во всех областях и на всех уровнях уже перешли на новую ступень развития. Современное российско-китайское взаимодействие характеризуется «полу-союзническими отношениями», в рамках которых все проблемы могут откровенно обсуждаться и решаться разумным и взаимовыгодным путём.

Во-вторых, это сущность нынешних евразийских интеграционных процессов. Как было отмечено выше, евразийская интеграция формируется на основе трёх субрегиональных интеграционных векторов: российско-восточноевропейская интеграция (Россия — Белоруссия), российско-южнокавказская интеграция (Россия — Армения), российско-центральноазиатская интеграция (Россия — Казахстан, Киргизия). Следовательно, сотрудничество в рамках евразийской интеграции в таких сферах, как торговля, транспорт, трудовая миграция, взаимные инвестиции и прочее, осуществляется либо с Россией, либо через Россию. Таким образом, сущность евразийской интеграции заключается в интеграционном объединении Казахстана и Белоруссии, а также Армении и Киргизии именно с Россией. Согласно этой логике, развитие отношений с Россией — ключевая опора в отношениях Китая с евразийскими интеграционными группировками и Евразийским союзом в будущем.

Еще одним принципом китайской политики в отношении Центральной Евразии должно стать рассмотрение Шанхайской организации сотрудничества и Евразийского союза как двух опор для поддержания безопасности и экономического развития Китая в центральноазиатском регионе.

ШОС была создана в 2001 году. За тринадцать лет ШОС достигла значимых успехов в сфере обеспечения безопасности и социально-экономического развития в регионе. Тем не менее ШОС не в состоянии быть единственным механизмом, который позволяет Китаю поддерживать свою стратегию безопасности и экономического развития в регионе на должном уровне [Ли Син, Нью Ичэнь 2013]. Этому есть несколько объяснений:

(1) ШОС — это новая региональная межправительственная организация. Её институциональное строительство ещё далеко до полного совершенства.

⁸ Встречи Си Цзиньпина с В.В. Путиным в 2013 году состоялись в ходе визита в Россию, на Саммитах БРИКС, ШОС и АТЭС.

(2) **Существование различных подходов стран-участниц к ШОС.** Китай, в качестве страны, близкой к Центральной Азии, и новой растущей «силы» в регионе, относится к странам Центральной Азии по принципу равноправия и получения взаимной выгоды. Россия — историческая метрополия в отношениях со странами Центральной Азии и воспринимает данный регион как зону своих особых интересов. Находясь между Россией и Китаем, страны Центральной Азии лишь стремятся к максимальной реализации собственных выгод.

(3) **Степень зависимости от ШОС выглядит по-разному.** Следует отметить, что степень зависимости Китая от ШОС, несомненно, оказалась выше, чем у России и стран Центральной Азии [Ли Син, Нью Ичэнь 2013]. Эта организация для Китая — единственная многосторонняя платформа для проведения диалога со странами Центральной Азии. Кроме ШОС для России и стран Центральной Азии ещё действуют ТС, ЕЭП и Зона свободной торговли СНГ (ЗСТ) в экономическом плане, а также Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ). В силу этого в архитектуре внешней политики России и стран Центральной Азии именно ШОС прежде всего и главным образом выполняет функцию многосторонней площадки для развития отношений с Китаем и является одним из объектов диверсификации внешнеполитические интересов. На этом фоне организация предпочитает налаживать тесные деловые отношения с Евразийским союзом, чтобы компенсировать свои недочёты и оптимизировать свою роль в региональном регулировании в Центральной Азии.

С точки зрения авторов статьи, «взаимная дополняемость/комплементарность» представляет собой главенствующую движущую силу в процессе развития и углубления отношений ШОС с Евразийским союзом. В экономической сфере двойное членство как в ШОС вместе со второй крупнейшей экономикой мира — Китаем, так и в ТС, ЕЭП и будущем ЕЭС придаёт России, Казахстану и Киргизии статус

важного звена между двумя интеграционными процессами. Многостороннее экономическое сотрудничество с Китаем в рамках ШОС может оказывать конструктивное влияние на евразийский рынок через институциональный механизм ТС и ЕЭП. Кроме того, данный подход также соответствует коренным интересам стран-участниц евразийской интеграции, равно как и содержанию политики Китая по повышению уровня открытости на западном направлении и в пограничных районах.

Касательно вопросов региональной безопасности в Центральной Азии параллельно действует два механизма — ШОС и ОДКБ. У каждого из них есть плюсы и минусы. Благодаря более высокой эффективности управленческой системы, мобильности войск и прочим преимуществам, ОДКБ может относительно эффективно реагировать на чрезвычайные ситуации. Работа ШОС приоритетно ориентируется на информационное обеспечение и ведение дву- и многостороннего военного взаимодействия для того, чтобы усилить сдерживающий потенциал в борьбе с терроризмом [Ван Лицзю 2012]. Авторы уверены в том, что военное сотрудничество наряду с экономическим партнерством также в будущем войдет в список приоритетных направлений взаимодействия ШОС как с ОДКБ, так и с Евразийским союзом.

* * *

Значимое событие всегда сопряжено как с большими возможностями, так и с большими вызовами. Евразийская интеграция и создание Евразийского союза являются значимыми событиями в регионе, соседствующем с западными границами Китая. Для того чтобы минимизировать риски и развивать отношения с новыми региональными силами и непрерывно укреплять безопасность в Центральной Азии, Китай должен четко сформулировать свою новую региональную внешнеполитическую идентичность на западном направлении, а также продолжать углубление отношений с Россией и активизировать взаимодействие в рамках многосторонних структур и организаций.

С политологической точки зрения, господство представляет собой совокупность действий и процессов, которые обеспечивают интересы субъектов за счёт жертвования интересами объектов. Управление — совокупность действий и процессов, которые одновременно обеспечивают интересы и субъектов, и объектов за счёт ограничения их интересов [Ши Сюехуа 2012]. В связи с этим необходимо осознать место стран Центральной Азии как субъекта в региональном коллективном управлении, а не как объекта борьбы за сферу влияния между великими державами. Евразийская интеграция (ТС — ЕЭП — ЕЭС) вполне может сочетаться с китайским евразийским интеграционным проектом по созданию экономического пояса по Великому шелковому пути в целях расширения возможностей для развития стран Центральной Азии и для обеспечения региональной стабильности и на юге России, и на западе Китая.

Создание экономического пояса по Великому шелковому пути не противоречит ТС и ЕЭП России, Казахстана и Белоруссии. Выдвинутая идея экономиче-

ского пояса представляет собой взаимовыгодную площадку сотрудничества Китая с Россией и странами Центральной Азии. Большинство стран-участниц евразийской интеграции тоже являются странами-участницами ШОС и странами, находящимися в данном экономическом поясе. Можно также отметить, что наряду с ТС, ЕЭП, и далее ЕЭС экономический пояс по Великому шелковому пути также представляется одним из проектов евразийской интеграции.

В отличие от европейского объединения евразийская интеграция строится на сетевой модели, строящейся с учетом кроссрегиональных, междоцивилизационных и трансграничных взаимодействий. Вот почему Китай и Россия в Центральной Евразии должны избегать таких стереотипов, как «российское СНГ», «российский Евразийский союз», «китайская ШОС», «китайский экономический пояс по Великому шелковому пути», проводить гибкие сетевые отношения и включить тематику евразийской интеграции в двустороннее стратегическое взаимодействие.

Список литературы

- Ван Лицзю. Стратегия России по Евразийскому союзу и её влияние на китайско-российские отношения // Современные международные отношения, 2012. №4.
- Ван Сюэфу. История политических отношений династии Тан, Тибетского Царства и Арабской Империи, Пекин, 1992.
- Ван Цзисы. Наступление на Запад: геостратегическое перебалансирование Китая // Глобал Таймс, 17.10.2012.
- Ван Чжилай. История Центральной Азии, Пекин, 2010, ст. 60–79.
- Ван Чжиянь. Региональное объединение стран Центральной Азии по аспекту Евразийского союза // Доклад по развитию стран Центральной Азии (2013) / Отв. ред. Сунь Ли, У Хунвэя, Пекин, 2013. С. 148–158.
- Ли Син. Исследование «сердцевины» Евразии: «большая игра» России, США и ЕС и стратегия Китая. Пекин, 2013.
- Ли Син, Ню Ичэнь. Почему ШОС не в состоянии быть опорой стратегии Китая в северо-западном окружении // Исследование международной безопасности, 2013, №4.
- Ли Син. О Евразийском союзе Путина // Российские исследования, 2012. №6.
- Лу Байчунь, Сон Юйлинь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 62–64.
- О Ян Сян Ин. Евразийский союз — перспектива развития России на постсоветском пространстве // Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии, Пекин., 2012. №4.
- Лю Ячжоу. О Западе // Ежедневник Феникс, 05.08. 2010.
- Сборник Сочинений Мао Цзэдуна. Пекин., 1991. Т.1. С. 175.
- Сюй Юнься, Ли Цинь. О факторах влияния на китайские прямые инвестиции в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана // Практика во внешнеэкономических отношениях и торговле, 2013. № 8.
- Фу Цюаньчжан. О перспективе Шанхайской Организации Сотрудничества и Евразийского экономического союза по аспекту региональной экономической интеграции // Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 165–175.

- Фэн Шаолэй. Инициативы Путина по созданию Евразийского союза, перспективу региональной интеграции можно ожидать // Газета общественных наук, Пекин., 20.09.2011.
- Чжоу Пици. Стратегический анализ. Шанхай., 2009. С.19.
- Шiao Юнлин, Ши Иньхун. Европейские морско-континентальные державы в Новое время и выбор современного Китая // Мировая экономика и политика, 2000, №10
- Ши Сюехуа. «Правительство услуг»: понятие, теория и условие // Общественные науки. 2010. №2.
- David M. Abshire, Richard V. Allen. National Security: Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead. Stanford, 1963.
- Li Xing. International Pattern Transition and China's Strategy // Contemporary International Relations, 2009, №11

CHINA'S TAKE ON THE FUTURE OF THE EURASIAN UNION*

LI XING, WANG CHENXING

Center for Eurasian studies, Beijing Normal University, Beijing, 100875, China

Abstract

In the first half of the second decade of the XXI century, international relations have been characterized by an increased regional association both in the peripheral regions of Eurasia (Trans-Pacific Partnership, Transatlantic Trade and Investment Partnership) and in Central Eurasia (the Eurasian integration of Russia, Belarus and Kazakhstan). China is a sea- continental country, which has always paid close attention to the eastern (sea or Asian-Pacific) direction, and the western (continental or Eurasian) direction in its foreign policy. The purpose of this article is to identify new challenges and characteristics of Chinese foreign policy in the western, continental, Eurasian direction in comparison with the Eurasian integration of Russia, Belarus and Kazakhstan.

After the return of Vladimir Putin to the Presidency of the Russian Federation, the promotion of Eurasian integration and the creation of the Eurasian Union are regarded as one of the main strategic directions of the foreign policy agenda, and the foundation for fulfilling the "Eurasian Superpower Dream" of Russia. Russia, resting upon the Eurasian Union, aims at strengthening its position in Central Eurasia. According to the plan, the Eurasian Economic Union (EEC) will be set up in 2015. Located to the eastern boundary of Central Eurasia, China has always maintained close political, economic and cultural ties with Central Asia and acted as the "Asian - European" power.

In the view of Chinese researchers, the current Eurasian integration processes are extremely significant for the Western region of China. Therefore, the success in managing China's relations with the new actors such as the EEC in Central Eurasia will certainly be bound and interlinked with the external environment in order to deepen China's reforms and openness in the forthcoming years. In this context, such questions as 'how does the Chinese scientific society perceive the phenomenon of the Eurasian Union?', 'how do the Eurasian Union and the Eurasian integration affect the Sino-Russian relations and the Shanghai Cooperation Organization (SCO)?', and 'how will China refer to the Eurasian Union?' are undoubtedly relevant for the Chinese scientific community.

So the authors believe that, if China wants to develop fructiferous relationships with the EEC, it should insist on the following fundamental principles of its foreign policy: 1) 'China is a country close to Central Asia (Jing Zhong Ya Guo Jia)' is a new identity of the state's foreign policy in the western direction; 2) Sino-Russian relations are fundamental for the development of China's relations with the Eurasian Union;

* The authors would like to acknowledge the financial support of the Foundation of Beijing on the development of the social sciences; the Foundation for Fundamental Research in the central universities; research project of the Center for Russian Studies of Beijing Pedagogical University and the China Council for the internship (CSC) in preparing this article.

3) The Shanghai Cooperation Organization and the Eurasian Union serve as two pillars maintaining the development and security of China in the region, which is too close to China's western part.

Keywords:

Russia; Eurasian Union; Eurasian integration; Post-Soviet states; foreign policy of China; the country close to Central Asia; Russian-Chinese (Sino-Russian) relationships.

References

- David M. Abshire, Richard V. Allen. 1963. *National Security: Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead*. Stanford.
- Feng Shao Lei, Pu Jing Chang Jian "Ou Ya Lian Meng", *Di Qu Yi Ti Hua Qian Jing Ke Qi* // *She Hui Ke Xue Bao*, 20.09.2011.
- Fu Quan Zhang, Cong Di Qu Yi Ti Hua Kan Shang He Zu Zhi Yu Ou Ya Jing Ji Lian Meng Fa Zhan Qian Jing // *Ou Ya Fa Zhan Yan Jiu* (2013), Ed. by Li Feng Lin, Beijing. 2013. pp.165–175.
- Li Xing, *International Pattern Transition and China's Strategy* // *Contemporary International Relations*, 2009, №11.
- Li Xing, Niu Yi Chen, Shang He Zu Zhi Wei He Bu Zu Yi Zhi Cheng Zhong Guo Xi Bei Zhou Bian An Quan Zhan Lue // *Guo Ji An Quan Yan Jiu*, 2013. №4.
- Li Xing, *Ou Ya Zhong Xin Di Dai: E Mei Ou Bo Yi Yu Zhong Guo Zhan Lue Yan Jiu*, Beijing, 2013.
- Li Xing, *Pu Jing Ou Ya Lian Meng Ping Xi* // *E Luo Si Yan Jiu*, 2012. №6.
- Liu Ya Zhou, *Xi Bu Lun* // *Feng Huang Zhou Kan*, 05.08. 2010.
- Lu Bai Chun, Song Yu Liang, *Pu Jing "Ou Ya Lian Meng" Zhan Lue Cheng Xiao He Qian Jing Ping Gu* // *Ou Ya Fa Zhan Yan Jiu* (2013), Ed. by Li Feng Lin, Beijing. 2013. pp. 62–64.
- Mao Ze Dong Xuan Ji (Di 1 Juan), Beijing, 1991. pp. 175.
- Ou Yang Xiang Ying, *Ou Ya Lian Meng – Hou Su Lian Kong Jian E Luo Si Fa Zhan Qian Jing* // *E Luo Si Dong Ou Zhong Ya Yan Jiu*, 2012. №4.
- Shao Yong Ling, Shi Yin Hong, Jin Dai Ou Zhou Lu Hai Fu He Guo Jia Yu Dang Dai Zhong Guo De Xuan Ze // *Shi Jie Jing Ji Yu Zheng Zhi*, 2000, №10.
- Shi Xue Hua, *Fu Wu Xing Zheng Fu De Ji Ben Han Yi*, Li Lun Ji Chu He Jian Gou Tiao Jian // *She Hui Ke Xue*, 2010. №2.
- Wang Ji Jiu, *E 'Ou Ya Lian Meng' Zhan Lue Ji Qi Dui Zhong E Guan Xi De Ying Xiang* // *Xian Dai Guo Ji Guan Xi*, 2012. №4.
- Wang Ji Si, Xi Jin: *Zhong Guo Di Yuan Zhan Lue Zai Ping Heng* // *Huan Qiu Shi Bao*, 17.10.2012.
- Wang Xiao Fu, Tang Tu Bo Da Shi Zheng Zhi Guan Xi Shi, Beijing. 1992.
- Wang Zhi Lai, *Zhong Ya Shi*, Beijing, 2010. pp. 60–79
- Wang Zhi Yuan, *Cong Ou Ya Lian Meng Kan Zhong Ya Guo Jia De Qu Yu Zheng He* // *Zhong Ya Guo Jia Fa Zhan Bao Gao* (2013), Ed. By Sun Lin, Wu Hong Wei, Beijing, 2013. pp. 148–158
- Xu Yun Xia, Li Qin, *Zhong Guo Dui E Bai Ha Guan Shui Tong Meng Zhi Jie Tou Zi De Ying Xiang Yin Su Fen Xi* // *Dui Wai Jing Mao Shi Wu*, 2013. №8.
- Zhou Pi Qi, *Da Zhan Lue Fen Xi*, Shanghai, 2009. pp. 19.